

В.Б. Трофимова

**«ПОЭТ РУССКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ»:
ТВОРЧЕСТВО А.К. ТОЛСТОГО В ЛИТЕРАТУРНОЙ
КРИТИКЕ М.О. МЕНЬШИКОВА**

Аннотация. В статье рассмотрено восприятие творчества А.К. Толстого литературным критиком М.О. Меньшиковым. На материале баллад, былин, драматургии и исторического романа «Князь Серебряный» Меньшиков определяет, что отличительной чертой А.К. Толстого как писателя было особое историческое мировоззрение. А.К. Толстой считал политическим и нравственным идеалом период Киевской Руси – «русское Возрождение». На примере творчества А.К. Толстого Меньшиков показывает проблемы историзма и народности, консерватизма и либерализма в литературном творчестве.

Ключевые слова: А.К. Толстой; М.О. Меньшиков; литературная критика; историческое мировоззрение; баллада; былина; историческая поэма; историческая драма; исторический роман; консерватизм; либерализм; славянофильство; западничество.

Trofimova V.B. *«Poet of the Russian Renaissance»: A.K. Tolstoy's creativity in the literary critic of M.O. Menshikov*

Summary. In article perception of creativity of A.K. Tolstoy by the literary critic M.O. Menshikov is considered. On material of ballads, bylinas, dramatic art and the historical novel «Kn'jaz' Serebryany» Menshikov defines that the special historical outlook was distinctive feature of A.K. Tolstoy as writer. A.K. Tolstoy considered a political and moral ideal the period of Kievan Rus' – «the Russian Renaissance». On the example of A.K. Tolstoy's creativity Menshikov shows problems of historicism and nationality, conservatism and liberalism in literary creativity.

Keywords: A.K. Tolstoy; M.O. Menshikov; literary critic; historicism; ballad; bylina; historical poem; historical novel; historical play; conservatism; liberalism.

М.О. Меньшиков восхищался лирической поэзией А.К. Толстого, а также его произведениями крупных поэтических форм – балладами и былинами на сюжеты из древнерусской истории; высоко ценил драматическую трилогию «Смерть Иоанна Грозного», «Царь Фёдор Иоаннович», «Царь Борис», даже ставил А.К. Толстого как драматурга-философа наравне с А.С. Пушкиным; привлекал внимание читающей публики к нравственно-этическому пафосу исторического романа «Князь Серебряный», авторскому достоверному воссозданию исторической эпохи, глубокому проникновению в характеры исторических деятелей русских средних веков в романе. Сама личность А.К. Толстого притягивала Меньшикова сочетанием выдающегося творческого дарования с высокими нравственными качествами, свободолюбием и независимостью. Для Меньшикова А.К. Толстой был ярким примером русского европейца, нашедшего благодаря своим историко-литературным изысканиям эпоху Возрождения в русской истории – домонгольский период Киевской Руси, Великого Новгорода, Пскова. В оценке творчества А.К. Толстого Меньшиков выходит за пределы собственно литературоведческого анализа, рассматривая его творчество в широком общественном и историко-культурологическом контексте 1850–1870-х годов.

Меньшиков посвятил творчеству А.К. Толстого большой литературно-критический портрет-этюд «Поэт-богатырь (По поводу писем гр. Алексея Толстого)». Этот этюд был приурочен к 20-летию кончины поэта и опубликован критиком на страницах журнального приложения к газете «Неделя» – «Книжки “Недели”» (1895. № 11). В первой публикации этот этюд носил другое название – «Поэт русского Возрождения», почти с тем же подзаголовком «По поводу писем гр. А. Толстого». К первой публикации Меньшиков взял эпиграфом не совсем точную цитату первой строфы из стихотворения А.К. Толстого «В совести искал я долго обвиненья...» (1858).

*В совести искал я долго обвиненья
(у Меньшикова «примиренья» – В. Т.),
Горестное сердце вопрошал довольно –
Чисты мои мысли, чисты побужденья,
А на свете жить мне тяжело и больно!*

В этой строфе важна лексема «совесть», которая стала одной из центральных категорий во всей литературной критике. В этюде «Поэт-богатырь» Меньшиков привлекает внимание к мукам совести, нравственным переживаниям А.К. Толстого.

В повторной публикации литературно-критического этюда-портрета о творчестве А.К. Толстого (Меньшиков М.О. Критические очерки. Т. 1. СПб., 1899. С. 294–329) Меньшиков снял эпиграф, однако начал этюд с цитаты из стихотворения «В альбом Ш» (1865) другого очень значимого для Михаила Осиповича поэта, с которым критика связывали почтительно-уважительные чувства ученика к наставнику, – Я.П. Полонского.

*Писатель, если только он
Волна, а океан – Россия,
Не может быть не возмущен,
Когда возмущена стихия...
Писатель, если только он
Есть нерв великого народа,
Не может быть не поражен,
Когда поражена свобода...*

Цитата позволяет Меньшикову перевести субъективно-лирические переживания осознаваемого поэтом стремления к чистоте и правде и одновременной дисгармонии с миром в плоскость закономерных переживаний поэтом дисгармонии современного общества, ощущения поэтом страданий всего общества как своих. Эта цитата из стихотворения Я.П. Полонского и весь ход критических рассуждений Меньшикова показывают, что критик не разделял устоявшегося во второй половине XIX в. литературного мнения, относившего А.К. Толстого к представителям «чистого искусства», поэзия которых не имела серьезного общественного значения. Меньшиков убедительно показывает, что А.К. Толстой как раз и являлся истинным поэтом-гражданином, сближаясь со своим литературным антиподом Н.А. Некрасовым. Причем, по убеждению Меньшикова, гражданственность творчества А.К. Толстого являлась ярким примером отрицания тенденциозности в искусстве: «“Лукавый царедворец” и “консерватор”, он болел вопросами времени не меньше, чем другой прославленный поэт, издатель передового журнала, живший в Петербурге. Если Некрасову

нельзя отказать в искренности душевных мучений, то нельзя в ней отказать и Алексею Толстому, который составлял во многом антипод Некрасова. Пусть Некрасов провел молодость в петербургских трущобах, а Толстой в придворных сферах – оба поэта были истерзаны современною жизнью, каждый – на свой образец. Некрасову с преобладанием у него ума над чувством гнет тогдашнего настроения, пожалуй, было даже легче, чем пылкому и страстному Алексею Толстому»¹.

Меньшикову очень импонировало это отрицание А.К. Толстым всякой тенденциозности в искусстве, неприятие деспотизма не только в политике, но и в художественном творчестве, безудержное свободолюбие поэта. Меньшиков видит несомненное автобиографическое начало в поэме «Иоанн Дамаскин» (1859), соединяя вольнолюбивые устремления лирического героя с бегством автора от великосветской жизни, отказом от почетной службы при дворе Александра II, который неоднократно делал попытки привлечь на службу своего любимца А.К. Толстого.

В этюде-портрете «Поэт-богатырь» Меньшиков приводит цитаты из опубликованных в конце 1890-х годов писем А.К. Толстого к великосветским адресатам², в том числе к Александру II и императрице Марии Александровне. Меньшиков приводит выдержку из письма А.К. Толстого к А.Ф. Тютчевой 1868 г.: «“Перехожу к литературе, которая и есть Ding an und für sich”³, так как все остальное есть лишь явления и... Вы мне говорите, что Теофил – эхо салонных консерваторов... Я вам скажу с грубой откровенностью... что такое эти консерваторы... ваши салонные консерваторы. Вы знаете, насколько я ненавижу все красное, и черт меня возьми, если я в той или другой из моих трагедий хотел что-либо доказать. Я презираю всякую тенденцию в литературном труде, я ее презираю, как пустой патрон... Я это говорил, и повторял, и перевысказывал! Но не моя вина, если из написанного мною ради любви к искусству само собою вытекает, что деспотизм никуда не годится. Тем хуже для деспотизма! Оно везде выскажется, во всяком художественном труде; оно выскажется даже в бетховенской симфонии. Я ненавижу деспотизм так же, как я ненавижу Сен-Жюста и Робеспьера и т.д. ... Я это не скрываю и провозглашаю это громко, да, м-г... V., да, я провозглашаю, не посетуйте, м-г Т... Я готов кричать это с крыш, но я слишком художник,

чтобы втискивать это в художественную работу, и я слишком монархист, да, m-г М... я слишком монархист, чтобы нападать на монархию. Я даже скажу, что я слишком художник, чтобы нападать на монархию. Но разве монархия и то или другое лицо, носящее корону, – одно и то же? Разве Шекспир был республиканец, потому что он написал “Макбета” или “Ричарда III”? Шекспир при Елизавете поставил на сцену своего “Генриха VIII”, и Англия от этого не рухнула!” Но зачем было трепетать Толстому? – восклицает Меньшиков и сравнивает А.К. Толстого с “официальными патриотами” консервативного стана: – Он мог бы писать рутинные “патриотические” пьесы, спокойно выводить в них отцов-благотетелей в лице Иоаннов и Федоров, и никто бы не причинил ему ни малейшей неприятности. Ведь делали же это многие другие писатели и делают до сих пор. Да, другие, но не он. Другие – пишущая челядь, а он был истинный аристократ – не только по титулу, а по благородной душе своей, не терпевшей ни малейшего покушения на ее свободу:

*Над вольной мыслью Богу не угодны
Насилие и гнет,
Она, в душе рожденная свободно,
В оковах не умрет...*

Это вдохновенное, страстное убеждение А. Толстого, которое он проповедовал всю жизнь, он вложил в уста Иоанна Дамаскина. Можно подумать, что сладость свободы была подсказана поэту этими личными его страданиями? <...> Да, он страдает глубоко и за себя, но не только за себя и, может быть, и за себя-то страдал только острою болью проснувшегося в нем стихийного, народного сознания”»⁴.

В этюде-портрете «Поэт-богатырь» на примере творчества А.К. Толстого Меньшиков продолжает изучение общественных антиномий «консерватизм – либерализм», «славянофильство – западничество». В этой критической работе творчество А.К. Толстого стало отправной точкой рассмотрения проблем народности и историзма в литературе. Исследование этой проблематики писатель продолжит в других этюдах книги «Критические очерки» (1899–1902).

По убеждению Меньшикова, А.К. Толстой не являлся ни консерваторм, ни либералом, ни славянофилом, ни западником в обычном понимании этих общественно-исторических терминов, а человеком, предложившим третий путь развития себя как гражданина и всего русского общества. В этом А.К. Толстой, по словам Меньшикова, значительно опередил И.С. Тургенева, многих писателей и историков конца XIX в., выработав особое «историческое миросозерцание». Это миросозерцание оказалось очень близко самому критику. Меньшиков пытается определить специфику писательского творчества А.К. Толстого, основанного на новом видении русской истории, которое отличало поэта от современных ему славянофилов и западников: «Что составляет отличительную черту гр. Алексея Толстого как писателя? Кроме честной души, которая и между писателями встречается нечасто, кроме выдающегося таланта и образования, – Алексей Толстой выделяется совершенно своеобразным историческим миросозерцанием, своими особенными общественными вкусами. Он не был ни западник, ни славянофил, ни консерватор, ни либерал, ни государственный, ни анархист, а нечто совсем особое, для чего нет еще и названия в русской жизни. Он считал идеалом государственности монархию – но какую? Современную ему? Нет, хотя личная дружба и связывала его с императором-освободителем. Монархию “петербургского” (до реформ) периода? О, нет, хотя он и служил ей, выросши при дворе. Монархию старого, московского периода, столь воспетую некоторыми славянофилами? Он ее ненавидел: “Моя ненависть, – пишет он (в 1869 г.), – к московскому периоду есть идиосинкразия, и я не подвинчиваю себя, чтобы говорить о нем то, что говорю. Это не тенденция – это я сам. Откуда взяли, что мы антиподы Европы? Туча прошла над нами, облако монгольское, но это была лишь туча, и черт должен поскорее убрать ее... Я несколько слов сказал об этом в моем проекте о постановке “Федора”. Нашли ли вы это сомнительным: русские – европейцы, а не монголы!”»⁵.

Меньшиков обращает внимание, что протест А.К. Толстого против деспотизма и «монголизма» в русском обществе был особенно важен именно в либеральные 1860-е годы, так как внутреннее рабство и дикость были еще очень сильны даже в либералах: «Вот корень миросозерцания А. Толстого и источник его страданий. “Мы – европейцы, а не монголы!” – с отчаянием восклицает

он в век грубый, когда русская жизнь еще едва начинала освобождаться от монгольского духа. Это было, скажете вы, в разгаре нашего либерализма. Да, либерализма на монгольский лад – с новыми целями, но со старыми средствами борьбы. Деспотизм монгольский в те либеральные 60-е годы еще был жив в наших нравах, как живет он и доселе. “Мы – европейцы, а не монголы!” – готов был кричать с крыши бедный поэт, видя всюду в жизни, и вправо, и влево от себя монгольские начала. Те, кто слышали его, соглашались, что мы – европейцы, но, как некоторые славянофилы и лжеохранители, проповедовали монголизм, сами того, быть может, не замечая. Истинный русский человек граф А. Толстой чувствовал себя, сверх того, и истинным европейцем: он носил в себе подлинные инстинкты не только своего племени, но и великой расы, к которой это племя принадлежит. Он недаром еще ребенком сидел на коленях у Гёте и чуть не молился на статую работы Микеланджело: Европа была его истинною второю родиной после России, его душа вмещала все откровения западных цивилизаций не как чуждые, а как родные, правда, припозабытые, но свои, как свои они для англичанина, немца и француза»⁶.

Соединение истинно русского в характере А.К. Толстого с ощущением его принадлежности к великой европейской расе было очень близко Меньшикову. В своих размышлениях о русском искусстве еще в 1870–1880-х годах (время написания книги путевых очерков «По портам Европы» (1884)) Меньшиков, по замечанию исследователя его творчества Н.И. Крижановского, использует категорию «раса»: «Искусство, по утверждению Меньшикова, должно приближаться к типу расы. Для критика тип европейской расы “реализовался на Аполлонах и Кипридах, а не на пьяной бабе, утирающей себе под носом”. Меньшиков формулирует свою позицию по вопросу присутствия идеала в искусстве: нужно показывать в произведениях идеал, изображать прекрасное, а не безобразное. С этими еще не совсем четко выраженными мыслями критик включается в актуальную и для публицистики 1870–1880-х годов полемику сторонников чистого искусства и последователей концепции искусства социально значимого, общительного»⁷.

В новом историческом мировоззрении А.К. Толстой, по мнению Меньшикова, опередил А.С. Пушкина и Н.М. Карамзина,

которые славили Московию, с уважением и трепетом относились к личности Иоанна IV. А.К. Толстой относил русское племя к европейской расе, считал московский период темными Средними веками русской истории. По мнению Меньшикова, неприятие деспотизма, отрицательное отношение к московскому периоду русской истории сближало А.К. Толстого с М.Ю. Лермонтовым, прославившим поступок купца Калашникова: «Даже столь искренние люди, как Пушкин, были захвачены культом “матушки Москвы”, единственным подвигом которой после Петра было сдаться французам без боя. Памятный для России 1812 год, тяжелая война и тяжелая победа омрачили и без того смутное сознание тогдашнего общества: из пепла Москвы возникла не только общественная реакция последующих сорока лет, но и романтический культ допетровского времени. Не только Карамзин, но даже Пушкин и его созвездие писателей были под влиянием этого ложно патриотического культа. Алексей Толстой всего на 18 лет был моложе Пушкина – но какая колоссальная разница в мирозерцании! Впрочем, возвратившись к дотатарским идеалам, Алексей Толстой обогнал сразу не только Пушкина, но даже и Тургенева с его “постепеновскими” воззрениями и обогатил наш век; кроме Льва Толстого, которого идеал еще шире и всемирнее, люди даже нашего поколения “конца века” пока не в состоянии вместить мысль Алексея Толстого»⁸.

Меньшиков видит в А.К. Толстом первооткрывателя домонгольского периода в русской истории. В исторических балладах, былинах, драмах А.К. Толстой «воспел русскую эпоху Возрождения – Киевскую Русь, вечевые республики, видя в этом периоде свой нравственный и политический идеал: “Теория” гр. Алексея Толстого в том, что было когда-то время, когда нравы наши были иные, полные достоинства и свободы, и дух деспотизма был чужд нашим предкам, как душе поэта. Но когда же была эта эпоха, и была ли? Гр. А. Толстому принадлежит честь ее открытия русскому обществу, хотя он был и не историк и хотя и ранее его некоторые историки догадывались об этой, в своем роде затопленной волнами монгольства, Атлантиде. Гр. А. Толстой был только поэт, но и одного художественного чутья было мало, чтобы найти лучшую из эпох истории: нужно было иметь благородную душу, не растленные народные инстинкты, ясный нравственный идеал. Все

это нашлось у Алексея Толстого, и он без труда увидел единственный “европейский период нашей истории”, как он его называет. Он его увидел не после Петра, как принято смотреть, а после... Рюрика. Неслыханная смелость, почти дерзость! Ересь против науки русской, против установившихся общественных воззрений. Ведь наука того времени утверждала, что настоящая русская история начинается только со времен Москвы, которая одна явилась создательницей России, собирательницей ее из хаоса удельного дробления. Период до Москвы считается подготовительным, временным, может быть, неизбежным, но ненастоящим. По мнению историков, он непременно должен был окончиться тем, чем окончился, даже если бы и не было татар. Иначе, совсем иначе смотрит гр. Алексей Толстой. Его можно назвать романтиком удельного периода – до того привлекательно ему кажется наша древняя, вечевая и княжеская старина. Он воспел ее в своих поэмах, балладах и былинах, в своих исторических драмах (“Посадник”), проповедовал в письмах. Изучая древнейший период нашей истории, он приходит в восторг, встречая несомненные доказательства живого общения тогдашней Руси с Западом»⁹.

Творчество А.К. Толстого в восприятии Меньшикова – это не только художественное творчество, но и нравственная проповедь своего идеала. Меньшиков обращает наше внимание, что, работая над историческим романом «Князь Серебряный» и изучая исторические документы, А.К. Толстой близко к сердцу принимал все ужасы этой эпохи, буквально жил в этой эпохе, был проникнут негодованием, не раз оставлял работу над этим произведением, что и стало причиной того, что работа над романом шла более 10 лет. Непосредственным итогом «проживания» исторического материала стал конец романа, который, по мнению Меньшикова, не соответствовал концу эпического произведения с художественной точки зрения. Однако с точки зрения нравственного идеала А.К. Толстого был абсолютно закономерен. «Видите, как горячо к сердцу он принимал все эти стародавние ужасы. Свой страшный роман он не может при всем старании кончить “эпически”: он заканчивает его молитвой, “чтобы Бог помог нам изгладить из сердец наших последние следы того страшного времени, влияние которого, как наследственная болезнь, еще долго потом переходило в жизнь нашу от поколения к поколению!” Великодушный поэт

приглашает простить грешную тень царя Иоанна, “ибо не он один создал свой произвол, и пытки, и казни, и наущничество, вошедшее в обязанность и в обычай!” <...> Конец этот в художественном отношении – совершенный клякс: подвести мораль к роману с тою же наивностью, как подводили ее к своим басням прежние баснописцы, – значит испортить впечатление от всего рассказа. И уж, конечно, как художник, Алексей Толстой знал, что это не эпический прием, но не выдержал, не мог выдержать: не успел замолкнуть в нем художник, как закричал человек, взволнованный и негодующий. Поэт приглашает читателей “простить грешную тень Ивана Васильевича”, но сам, очевидно, не может ей простить – это свыше его человеческих сил!»¹⁰.

По мнению Меньшикова, А.К. Толстому было свойственно высшее понимание народности, воплощение ее в литературе. С точки зрения отношения к истории и воплощения нравственного идеала в литературе Меньшиков ставил А.К. Толстого выше Пушкина, не уравнивая, конечно, их по масштабу дарования. Меньшиков сближал историческое мировоззрение и нравственный идеал А.К. Толстого с нравственным идеалом Лермонтова как автора «Песни про купца Калашникова»: «Но татарщина, однако, ведь исчезла: все эти ужасы и низости были три века тому назад. Чего же волноваться? Пушкин не волнуется. Он только художник, как Гёте, – Алексей же Толстой не только художник, а и проповедник. Он нравственно скорбел историей и мучился этим оскорблением. Он более сродни Лермонтову, в “Иване Калашникове” которого чувствуется это хотя крайне затаенное, но жгучее чувство нравственного оскорбления (в ответе купца опричнику и в драме всего события). Пушкин не был оскорблен, напротив: московская старина ему в общем нравилась; он очень гордился, что его предки участвовали в эпохе Иоаннов; Ивана Грозного он называет с чувством некоторого любования им – “гнев венчанный”. Пушкин очень высоко ставил историю Карамзина, т.е. панегирик Московской Руси. Отношение к нашей истории у Пушкина было политическое, у Алексея Толстого – строго нравственное. <...> Этот нравственный критерий – явление совершенно новое и весьма еще непрочное в нашем обществе. Алексей Толстой, современник поэтов-славянофилов, первый из них выдвинул нравственный взгляд на историю, чем всего резче он от них и отличался. Те были

заражены подчас крайне эгоистическим патриотизмом и ради неверных соображений о внешней силе и величии государства охотно жертвовали народной свободой, человеческим достоинством, благородством жизни, лишь бы только “наша взяла”»¹¹.

Меньшикову была очень близка проповедь А.К. Толстого – «художника русского Возрождения» – эпохи Киевской Руси и Новгорода, «о восстановлении благородства отношений между государством и личностью», о превращении крепостного раба в гражданина¹². Меньшиков был убежден, что русское Возрождение не только было до Московского царства, но и продолжалось в XIX в.: «На призыв Петра Россия, говорит один мыслитель наш, “ответила огромным явлением Пушкина”»¹³.

Меньшиков видел в А.К. Толстом «возрожденного в условиях современности древнего богатыря времен Владимира»¹⁴, который не устал показывать весь «ужас и омерзение» эпохи татарского порабощения, призывал восстанавливать «утраченные драгоценные дары нашей древней культуры»¹⁵, русского Возрождения.

Причину того, что благородные призывы А.К. Толстого не были услышаны русским обществом, Меньшиков видит в том, что поэт, хотя и обладал большим литературным талантом, не был гением. Ему была уготована участь вопиющего в пустыне, А.К. Толстой с горечью осознал свою роль. Поэт-богатырь, певец русского Возрождения еще не дождался своих слушателей: «...Это был проповедник прекрасных истин, но без дара чудес: мертвых он не воскрешал, слепым не давал зрения. Но все же это был талант мощный и сродни пророкам, все же он останется звучать в русской жизни, пока жива будет русская литература. И не его вина, если его призыв к возрождению не был принят в обществе с тем же одушевлением, с каким был сделан: ведь это не первый голос, вопиющий в пустыне! Но если в этой пустыне появятся, наконец, люди, имеющие уши, – они услышат этот в своем роде трубный, «мажорный» (по собственному определению А. Толстого) призыв, и он скажет душе их то, что, может быть, не даст иной и гений. В самом деле, разве не великая это задача жизни – восстановление истинных основ ее? Разве не нуждаемся мы – стомиллионная народная масса – в возвращении нам самосознания, достойного великого народа? Этого самосознания у нас теперь нет в сколько-нибудь определенной степени»¹⁶.

Меньшиков осознавал, как трудно быть в России даровитым поэтом и притом совестливым человеком. В статье «Две правды» (1893) из сборника «Критические очерки» (1899–1902) критик высказал мысль о том, что талантливый писатель становится судьей своей эпохи: «Быть талантливым писателем в наше время, мне кажется, должно быть мучительно. Что касается бездарных – они счастливы, как всегда. <...> Другое дело – писатель одаренный, и чем выше его дар, тем тяжелее крест. Ясновидением пророка, тонким предчувствием будущего, проникновением в законы волнующейся жизни такой писатель присутствует как бы на страшном суде своей эпохи, перед ним вскрыты все язвы ее и тайные грехи»¹⁷. Именно подобного судью видел Меньшиков в А.К. Толстом, эта роль в полной мере проявилась в его лирике, драматургии и эпике.

Интерпретация всего творчества А.К. Толстого Меньшиковым позволяет нам проследить формирование авторской позиции его не только как литературного критика в ранний период творчества (1870–1890-е годы), но и как политического публициста в начале XX в.: объяснить «мировоззренческий дрейф» критика как закономерное развитие его литературно-эстетических и политических взглядов, проследить влияния на его мировоззрение. Вслед за А.К. Толстым он вопрошал: «“Кто мы? Для чего мы?” Великий ли мы народ или простая орда, принадлежим ли мы к благородной европейской расе, одарены ли мы вместе с нею задатками истинной, гуманной цивилизации, или племя рабов, обреченное “на подстилку” для великих племен?»¹⁸

Меньшиков полагал, что России нужно воспринять западную цивилизацию, пробудить творческую и трудовую активность русского народа. В этюде-портрете «Поэт-богатырь» Меньшиков подчеркнул, как важно русским ощущать себя «кровными европейцами», самобытным и талантливым племенем. Судьба России в соединении с Западом, а не с Востоком: «Форпосты цивилизации надвигаются на нас со всех сторон, и из простого чувства самосохранения мы должны усвоить то же оружие. <...> В самом деле, обидно быть вечными данниками Запада в материальном отношении, расплачиваться народной энергиею за недостаток просвещения. Обидно быть работниками Европы, но еще обиднее чувствовать себя и нравственно слабее ее, уступать ей в справедливости

и достоинстве жизни. Это сознание парализует духовное творчество нашего общества, лишает его радости существования. Пока мы искренно не повернемся “лицом к варягам”, пока не признаем себя, как мечтал Алексей Толстой, кровными европейцами, пока не почувствуем, что начала гуманности – наши родные начала, до тех пор и материально, и духовно мы будем в подчинении у Запада, в роли варваров, которых бояться, но презирают. Хорошо не знать этого презрения, но знать его – и чувствовать, как Алексей Толстой, что оно заслужено... Это тяжелое страдание»¹⁹.

-
- ¹ *Меньшиков М.О.* Поэт-богатырь (По поводу писем гр. Алексея Толстого) // *Меньшиков М.О.* Великорусская идея. Т. 2. М.: Институт русской цивилизации, 2012. С. 493–494.
 - ² Полагаем, что М.О. Меньшиков имел в виду публикацию писем А.К. Толстого в «Вестнике Европы» (1895). В дальнейшем письма были опубликованы отдельным изданием: Толстой А.К. Письма графа А.К. Толстого к друзьям. [Б. м.] [Б. и.]. Вырезка из «Вестника Европы». С. 629–634.
 - ³ Вещь в себе и для себя (нем.).
 - ⁴ *Меньшиков М.О.* Поэт-богатырь (По поводу писем гр. Алексея Толстого) // *Меньшиков М.О.* Великорусская идея. Т. 2. М., 2012. С. 485–486.
 - ⁵ Там же. С. 487.
 - ⁶ Там же. С. 487–488.
 - ⁷ *Крижановский Н.И.* Публицистика М.О. Меньшикова в контексте критико-философской мысли рубежа XIX–XX вв.: Монография. Армавир: АГПА, 2012. С. 21.
 - ⁸ *Меньшиков М.О.* Поэт-богатырь (По поводу писем гр. Алексея Толстого) // *Меньшиков М.О.* Великорусская идея. Т. 2. М., 2012. С. 488–489.
 - ⁹ Там же. С. 490.
 - ¹⁰ Там же. С. 501–502, 503.
 - ¹¹ Там же. С. 502–503, 504.
 - ¹² Там же. С. 505.
 - ¹³ Там же. С. 505.
 - ¹⁴ Там же. С. 507.
 - ¹⁵ Там же.
 - ¹⁶ Там же. С. 507–508.
 - ¹⁷ *Меньшиков М.О.* Две правды // *Меньшиков М.О.* Великорусская идея. М., 2012. С. 358–359.
 - ¹⁸ Там же. С. 509.
 - ¹⁹ Там же. С. 510.